
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ – ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ РЕАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

П.В. Шинкаренко

Стратегическое планирование и развитие предприятий – стержневая тема традиционного Всероссийского симпозиума, который в 13-й раз прошел в Москве 10–11 апреля 2012 г. Этот научный форум был организован в рамках Секции экономики Отделения общественных наук РАН Центральным экономико-математическим институтом РАН и Научным советом ООН РАН «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий» при участии ряда научных центров, университетов, общественных организаций и фондов страны. Сопредседатели оргкомитета – директор ЦЭМИ РАН академик В.Л. Макаров и заместитель директора института по научной работе член-корреспондент РАН Г.Б. Клейнер.

Работа симпозиума прошла в форме двух пленарных заседаний, круглого стола «Стратегия развития реального сектора экономики» и пяти тематических секций, на которых выступили более 200 человек из различных регионов России и других стран СНГ. Кроме того, участники форума получили пять томов, содержащих около 450 докладов, тезисов сообщений и другие материалы. Широкое представительство научных школ и специалистов-практиков позволило сделать глубокий анализ теоретических и методологических проблем стратегического планирования на различных уровнях экономики, обобщить опыт этой работы на российских и зарубежных предприятиях, внести аргументированные рекомендации по ее совершенствованию.

© Шинкаренко П.В., 2012 г.

ДВЕ ИДЕИ «ДЛЯ ЗАТРАВКИ»

«Симпозиум “Стратегическое планирование и развитие предприятий” занимает важное место в череде научных форумов, которые тринадцать лет назад были редкими гостями, а сейчас являются неотъемлемым элементом научной жизни страны, – сказал, открывая пленарное заседание, член-корреспондент РАН Г.Б. Клейнер. – Тем не менее конференция, которая посвящена стратегическому планированию и развитию предприятий, пока является единственной и остается в центре внимания научной общественности и практических работников, которые сегодня здесь собрались». Ученый напомнил, что дата открытия симпозиума символична: ровно 100 лет назад, 10 апреля 1912 г., океанский лайнер «Титаник» отправился в свой трагический рейс. Совпадение этих дат вызывает ассоциации, поскольку среда, в которой плыл «Титаник», очень напоминает обстановку, в которой развивается объект наших исследований. По морю российской экономики «плывут» предприятия – крупные и мелкие, быстро и медленно. Часть их управляется не так, как нам бы хотелось. По этим же волнам экономики плывут имеющие конструктивные и управленческие недостатки «титаники» и вообще не имеющие управления «айсберги». Причем часть этих объектов находится над водой, и мы можем наблюдать их, можем даже вести интервью с руководителями предприятий. Однако большая часть этих объектов скрыта «под водой» и, как обратная сторона Луны, труднодоступна для исследователя. Каждый из них напоминает айсберг, представляет целый мир, хотя и выглядит песчинкой среди других миров, и каждый нуждается в изучении. Это сочетание очень важно, и задача экономической науки – по видимым фактам установить невидимые факторы.

В свою очередь академик В.Л. Макаров призвал не обращать внимание на то, что форум тринадцатый и совпадает с трагическим юбилеем крушения «Титаника». «Наш сим-

позиум организован хорошо, ожидаются конструктивные дискуссии, в ходе которых произойдет обмен новыми идеями, а это очень важно», – подчеркнул академик. При этом он заметил, что в области управления предприятиями уже есть огромное количество работ, которые обсуждают одни и те же идеи. Тогда как смысл симпозиума – заглядывать в будущее. Но это сделать непросто, поэтому нужно вбросить для обсуждения даже «сумасшедшие» предложения. При этом «для затравки» академик высказал две своих идеи.

Одна состоит в том, что мы стремительно погружаемся в информационный мир, где прозрачность становится нормой жизни. Говорят, что это главный способ борьбы с коррупцией. Если все будут обо всем знать, сколько, кто и кому-то заплатил, как выглядят доходы и расходы человека, то ему очень трудно заниматься коррупцией. К этому мы идем в бюджетной сфере, прозрачность усиливается и в закрытых акционерных обществах. Несомненно, в такой ситуации рыночная экономика будет другой. Мы привыкли, что понятие рынка связано с анонимностью операций. Но это свойство рынка пропадает при открытости его механизма. Суперпрозрачность придает ему новые свойства, что превращает рыночную экономику в какую-то другую форму, не похожую на классическую, иными становятся и отношения между предприятиями. Они приобретают качество семейных отношений, которые отличаются от рыночных. В результате могут появиться «семьи» предприятий, отношения между которыми будут складываться по-новому, хотя и останутся рыночными. «Мне кажется, что об этом следует говорить громче, тем более что почти у каждого предприятия есть сайт, на котором оно показывает себя в лучшем свете. Но эта информация должна быть объективной», – уточнил В.Л. Макаров.

Вторая идея, которой поделился ученый, касается перспектив проектной экономики. Поясняя свою мысль, академик заметил, что рыночная экономика не вечна. Даже в том смысле, что бесконечное ее совершенствование

приведет к таким чертам, которые рано или поздно рыночные отношения похоронят. А что дальше? По мнению В.Л. Макарова, их место займет проектная экономика, которая отличается от рыночной тем, что там главная мотивация не в получении прибыли, а в чем-то другом. Когда выдвигается проект, то у него есть цель. Скажем, В.В. Путин предложил для России два проекта – Олимпийские игры в Сочи и Чемпионат мира по футболу в 2018 г. Задача – не заработать деньги, а что-то другое. Существует множество других великих проектов, которые возбуждают население, тогда как в условиях рыночной экономики количество проектов сокращается или их совсем нет, а это не вдохновляет народ. Мы не строим БАМ, Комсомольск-на-Амуре и т.д. Все стало проще, скучнее. Но если проектная экономика заработает, то окажется, что плановая экономика не такая уж и плохая, не отсталая, как некоторые об этом думают. Она постепенно на новом этапе возрождается. Вот и название симпозиума содержит термин «стратегическое планирование». Это тоже идет от плановой экономики. По слухам, создается организация, которая через некоторое время перерастет в Госплан. Следовательно, проектная экономика – это другой тип экономики, новая форма организации, отличающаяся от плановой. В Гражданском кодексе РФ названо много типов юридических лиц, но нет такого нового типа, как «проект». Проект, в отличие от компании, которая может существовать вечно, имеет свое начало и свой конец. Поэтому он более динамичен. Но нужно, чтобы важные проекты выбирались. Для этого следует создать механизмы, которые бы определяли и регулировали осуществление проектов. Например, сейчас создано Агентство стратегических инициатив. «Это уже шаг в сторону проектной экономики. Но как оно будет развиваться? Инициативы, предложенные агентством, больше проявляются в социальной сфере, а не в экономике, тем не менее это все же проекты», – заключил В.Л. Макаров.

Понятно, что высказанные академиком идеи нашли отражение в выступлениях дру-

гих участников симпозиума. В частности, Г.Б. Клейнер отметил, что эти идеи вытекают из реалий сегодняшнего дня и вместе с тем продвигают науку. Сравнив открытость управления предприятием с «прозрачными стенами», он сказал: «Есть предприятия под именами нарицательными, а есть под именами собственными. Когда мы знаем всю подоплеку, всю глубину, то это по сути дела – имя собственное». Этот тезис ученый пояснил так. Мы получаем экономику физических предприятий, где каждая хозяйствующая структура отличается не только тем, что производит определенный вид товаров, а как человек, имеет свой характер, историю и будущее. Это, безусловно, отличается от теории рыночной экономики, в которой предприятия являются песчинками, не имеющими индивидуальности. Несомненно, развитие теории экономики должно идти по пути глубокого понимания сущности предприятия, огромная подводная часть которого, как у айсберга, скрыта от глаз. Нужно сделать ее доступной хотя бы исследователям. Вторая идея – о проектной экономике – тоже представляется актуальной, поскольку проект – одна из форм экономической активности. Несомненно, она должна получить организационное оформление наряду с другими формами. К сожалению, даже в проекте Гражданского кодекса РФ, который сейчас обсуждается, ничего об этом не говорится.

СИСТЕМНАЯ ТЕОРИЯ РОЛЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ

Примечательно, что в выступлениях участников форума часто звучала мысль о преемственности новых идей с тезисами, высказанными в ходе дискуссий на прошлых симпозиумах. Такой «мостик» был переброшен и к развиваемой ЦЭМИ в течение многих лет системной экономической теории, системной экономике, где точкой притяжения являются

не просто предприятие, проект, экономические процессы, а экономические системы, которые обобщают эти и другие формы экономической активности. В результате проведенных в предыдущие годы исследований были получены классификации и модели систем, их производственные функции. На нынешнем заседании симпозиума был сделан новый шаг на том же пути. В частности, в докладе члена-корреспондента РАН Г.Б. Клейнера было показано, как теоретические положения системной экономики могут быть реализованы в управлении предприятием.

Основная задача экономической науки и даже шире – экономической политики, по мнению докладчика, состоит в том, что управление на всех уровнях должно быть перестроено, поскольку нынешнее состояние управления может быть охарактеризовано лишь понятием «дизменеджмент». Примерами такого дизменеджмента на макроуровне могут быть неудачная административная реформа 2004 г., а также нынешние изменения структуры министерств и ведомств. Причина этих неудач – отсутствие теории структуры управления современной экономикой на макро- и мезоуровне. Разговоров об отраслевом управлении, зачатков его в виде департаментов министерства недостаточно. Наконец, решения рождаются, как черт из табакерки. Все это говорит о несвязанности пространства и решений. На микроуровне дизменеджмент выражается в деконсолидации четырех групп участников – собственников, топ-менеджеров, специалистов и работников. Резко ориентированное поведение участников, а также декolleктивизация предприятия, т.е. низведение к нулю коллектива как субъекта. В условиях слабости профсоюза коллектив должен играть важную роль. Но этого нет. Учредитель предприятия – коллектив. Можно убрать одного-двух работников. Но то, что определяется категорией «коллектив», хотя границы его неизвестны, неотъемлемо от предприятия как и его имущественный комплекс. Дизменеджмент на низшем уровне – это всеобщее неравенство людей. К сожалению, российское

общество не научилось быть обществом, в котором каждый его член равен остальным. Связи между двумя людьми всегда сводятся к отношениям по линии «принципал – агент», «начальник – подчиненный» и т.д. Отсюда вывод: дизменеджмент захватил все уровни экономики и стал одной из важных причин ее неудовлетворительного состояния.

Системный подход принятия решений меняет эту картину и требует сделать процесс принятия решений более широким, в котором участвуют не только человек, принимающий решение, но и многие категории населения, группы заинтересованных лиц. Сейчас этого нет, и это также является проявлением дизменеджмента. Ключевым фактором управления является учет заинтересованности не только физических лиц – начальников и руководителей, не только юридических лиц – предприятий, но и экономических лиц – различных форм организации хозяйственной активности. Но для этого понятие экономического лица должно быть введено в законодательную плоскость. Применение системного подхода как совокупности результатов экономических систем позволяет обосновать решение классических проблем менеджмента.

Вернувшись к анализу дел на предприятиях, Г.Б. Клейнер указал, что конфигурация участников производства состоит из четырех элементов. Это владельцы капитальных ресурсов (собственники), владельцы управленческих ресурсов (менеджеры), владельцы трудовых ресурсов (работники), наконец, владельцы когнитивных ресурсов, т.е. знаний (специалисты). Какой из этих групп следует поручить приоритетное управление предприятием? Сегодня этот «флаг» держит собственник. Он влияет на менеджмент, а через него – и на коллектив. Но единственный ли это вариант? Условно каждую из этих групп участников процесса образно можно представить в следующем виде. Собственник – это «слон в посудной лавке». Менеджер – «едок под одеялом», который скрывает свои доходы от собственника. Специалист – «вещь в себе», он является носителем знаний, которыми он может поде-

литься, а может и не поделиться. Принудить его достаточно сложно. Наконец, работники, персонал – «прислуга». Такая конфигурация порождает неприятные последствия – фронтальный оппортунизм, коррупцию, неравенство и т.д. Предприятие превращается в некоего кентавра. Верхняя его часть основана на отношениях собственности (совет директоров, акционерное собрание), а нижняя – на трудовых отношениях. Обе эти части не находятся в гармоничном соответствии, что порождает существенные проблемы предприятия. Отсюда вывод: интересы у этого квартета различны, а зачастую и противоположны. То же самое можно сказать о правах и обязанностях. Собственник обладает фактически безграничными правами при ограниченной ответственности. Баланс между различными группами отсутствует, но его надо преодолеть.

Для решения этой задачи необходимо взглянуть на предприятие как на единую системную структуру, в которую входят фирмы, регионы, государство, рынки, проекты и т.д. Как показывают исследования, есть возможность описать деятельность этих систем примерно таким же единообразным способом, каким описывается деятельность предприятия, несмотря на то, что каждое из них имеет свою индивидуальность. В этом случае используются одни и те же понятия – продукта, товара, услуг, работы, капитала, труда и т.д. Такая же исследовательская программа может быть разработана и для экономических систем в целом. Базовые группы этих систем представлены четырьмя видами: объекты типа предприятия, проекты типа строительства олимпийских объектов, среды (институциональная составляющая) и процессы (состояние инноваций и т.д.). Такая классификация показывает, что наряду с объектной экономикой, которая есть сейчас, и проектной экономикой, которую следует строить, надо говорить и о средовой экономике, и о процессной экономике. Если нам удастся эти четыре вида экономических систем облечь в управляемую организационную форму, это будет крупнейшим шагом вперед, убежден Г.Б. Клейнер.

По его словам, ключевой момент заключается в следующем. Четыре группы систем и четыре группы участников производственного процесса – случайность или закономерность? Положение состоит в том, что каждый из этих участников видит предприятие в форме соответствующей системы. Например, для работника предприятие – это среда, в которую он каждый день окунается, там он получает зарплату, общается с коллегами. Для менеджера – это объект, поэтому он заинтересован в том, чтобы предприятие продолжало свою деятельность неограниченное время. Специалист видит предприятие как протекающий процесс производства, воспроизводства, инноваций, улучшения. Собственник, как правило, является участником рынка и в любой момент может продать свои акции. Поэтому его связь с предприятием менее тесная, чем у партнеров. Когда рабочий трудоустраивается, он заключает контракт, подтверждающий его лояльность к предприятию. Собственник такого контракта не имеет и смотрит на предприятие как на проект, который может быть заменен другим проектом.

Устойчивой может быть лишь та система, где все четыре ипостаси работают в гармонии, а роли четко распределены. Наибольшее значение для предприятия как объекта является деятельность менеджеров. Поэтому им, а не собственникам должен быть передан приоритет управления. Это своего рода менеджериальная революция, которая должна прийти на российские предприятия. Но как ограничить права собственника, привести их в соответствие с правами остальных участников производства? «Поиск ответа на этот вопрос затрагивает всю вертикаль юридической и идеологической структуры экономики. Но движение в этом направлении не сегодня, так завтра будет идти», – убежден докладчик. Тем не менее, полагает он, неправильно считать, что собственники не нужны и все должно быть обобществлено. Но позиции собственника и остальных трех участников производства должны быть сбалансированы. Следовательно, менеджериальная революция – не

оранжевая, а управленческая революция. Она не зависит от цвета, а рассчитана на то, чтобы управление предприятием стало более эффективным.

Согласовать интересы всех четырех групп юридическими нормами или на основе структурных решений невозможно, потому что структуры определяют лишь рамочные отношения. Реальная же гармонизация может быть достигнута только на основе стратегического процесса, т.е. путем разработки, принятия и реализации стратегии развития предприятия. Поэтому стратегическое планирование, которое проводится на федеральном уровне, должно дойти до предприятия и сомкнуться с разработкой стратегии предприятий. Лишь таким способом можно обеспечить правильное и гармоничное управление предприятием. «Выводы из всего этого – необходимость принятия закона о предприятии, в котором были бы описаны все коллизии. Сейчас есть юридические и бухгалтерские нормы, но этого мало. Нужен единый закон – таков императив времени», – заключил Г.Б. Клейнер.

Продолжая эту мысль, заместитель начальника департамента стратегического управления (программ) и бюджетирования Минэкономразвития России к.э.н. *А.Н. Митькин* постарался убедить коллег в том, что в России формирование системы государственного стратегического планирования уже началось. Предвестником ее стал принятый еще в 1997 г. закон о государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития, который предусматривает разработку долгосрочной концепции, среднесрочной программы на трехлетнюю перспективу и прогнозы на долгосрочную, среднесрочную и краткосрочную перспективы. В 2009 г. была предпринята попытка формализовать процесс планирования не только социально-экономического развития, но и отдельных сторон национальной безопасности. Для этого был издан указ президента об основах стратегического планирования, в котором обозначены основные положения плановых документов, взаимосвязи участников процесса и их ответственность, прописана

ны и некоторые процедурные моменты. Изначально поручение главы государства было сформулировано как подготовка проекта закона о стратегическом управлении социально-экономическим развитием. Но сегодня правительство стало больше склоняться к термину «стратегическое планирование».

Актуальность этой работы не вызывает сомнения. Все предыдущие правовые акты страдали размытостью целей и приоритетов социально-экономического развития, в них отсутствовали механизм концентрации ресурсов для приоритетных задач и четкая фиксация мероприятий в рамках определенных документов. В результате они были обособлены друг от друга, а иногда и указывали разные направления действий субъектов экономики. В указе было четко обозначено, что функциями системы являются:

- развертывание долгосрочных решений;
- набор задач и мероприятий, связанных между собой;
- балансировка этих действий по срокам, ресурсам и ответственности;
- ориентация субъектов Федерации, территорий и субъектов предпринимательства на долгосрочные приоритеты развития.

В ходе работы над законопроектом отмечены и уточнены задачи, которые ставятся в программах бюджетных расходов, процесс управления выстраивается по этапам, формируются системы стратегического планирования по вертикали (увязка по уровням управления) и по горизонтали (согласование различных отраслевых решений между собой), определяются его этапы. Среди них – прогнозирование социально-экономического развития по направлениям и ожидаемым результатам, параметры планирования, цели, приоритеты и задачи развития, пути их достижения, а также стратегический контроль за выполнением решений. При этом докладчик заметил, что для реализации закона потребуются разработать ряд подзаконных актов. После обсуждения в Правительстве Российской Федерации предложений заинтересованных

сторон законопроект предполагается внести в Государственную Думу уже в июле 2012 г.

Еще одним плановым документом федерального уровня является Бюджетное послание президента, в котором указано, какой должна быть стратегия долгосрочного экономического прогноза и как с нею следует увязать бюджетную стратегию. В бюджетных посланиях также приняты определенные решения, которые сейчас находят отражение в текущей деятельности правительства. В частности, в 2010 г. Минэкономразвития России выпустило такие методологические документы, как Порядок разработки государственных программ Российской Федерации, утвердило Методические указания по подготовке и реализации государственных программ, на основе которых органы государственной власти уже два года готовят проекты 41 государственной программы по пяти блокам. Некоторые из них уже прошли через несколько стадий апробации, получили необходимые замечания и предложения в министерствах экономического развития и финансов, подчеркнул А.Н. Митькин.

Но этот оптимизм чиновника из Минэкономразвития не разделила депутат Госдумы д.э.н. *О.Г. Дмитриева*. «Мне легко доказать, что в стране стратегическое планирование отсутствует, хотя разговоры идут», – заявила парламентарий. При этом она согласилась, что документы, где написано о стратегическом планировании, действительно есть, но по факту его нет и быть не может, поскольку отсутствует даже тактическое планирование. Единственный документ, который является законом, по которому есть оценки о выполнении, – это бюджет. Но как он исполняется об этом и стоит сказать.

По словам ученого-депутата, от бюджетно-налоговой политики предприятия ждут:

- обеспечения стабильных условий хозяйствования и нейтрализации рыночных случайных отклонений;
- стимулирования структурных сдвигов в соответствии с заявленными целями, обе-

спечения бюджетно-налоговыми инструментами отраслевой политики;

- формирования надежного государственного спроса;
- создания общих условий хозяйствования, фиксации издержек на минимально допустимом уровне.

К сожалению, считает О.Г. Дмитриева, ни одна из этих задач не реализуется на приемлемом уровне. Да и о каком стратегическом планировании может идти речь, если годовой финансовый план остается единственным федеральным документом, точность реализации которого можно проконтролировать. А такой анализ дает следующие результаты. В 2008 г. утвержденные законом доходы федерального бюджета составили 6644,4 млрд р., а фактическое их исполнение – 9275,9 млрд р., т.е. отклонение равнялось 39,6%. Погрешность в исполнении бюджета кризисного 2009 г. составила 9,29%, 2010 г. – около 20, а в 2011 г. – около 30%. Если так планируются доходы, то соответственно ни о какой эффективности, ни о каком стратегическом планировании не может быть и речи. А это означает, что и для предприятий нет ясных сигналов. Идут огромные дополнительные расходы, растет пирамида внутреннего долга. Естественно, нет адекватного стратегического планирования государственного заказа, государственных закупок и инвестиций. Поскольку доходы, которые вдруг вырастают, как правило, не идут на государственные инвестиции и закупки, а переводятся в уставные фонды отдельных предприятий либо на пополнение стабилизационного фонда, что равносильно финансированию чужой экономики.

Государство не дает предприятиям четких сигналов и по каналам налогового законодательства, где по отдельным сборам фиксируются разнонаправленные тенденции с лагом в один-два года. Например, социальный налог в 2005 г. был снижен до 26%, в 2011 г. повышен до 34%, в 2012 г. снижен до 30%, а на 2014 г. вновь запланирован рост до 34%. Такая же чехарда наблюдается с НДС, налогом на малые предприятия.

Продолжив свой анализ, О.Г. Дмитриева обратила внимание на состояние дел с государственным заказом. При правильном построении, считает она, этот инструмент может стать эффективным стимулом развития экономики, потому что обеспечивает формирование платежеспособного спроса, регулирование цен (антиинфляционный механизм), контроль качества, ритмичность загрузки производственных мощностей (антициклическая мера).

Что же происходит на самом деле? Во-первых, вследствие огромных объемов коррупции госзаказ не стимулирует, а сжимает спрос. Если откаты составляют от 20–30 до 70%, то ни о каком спросе не может быть и речи. Так, если при закупке рентгеновских аппаратов отечественного производства откат составляет 50%, то это значит, что медучреждения получают в 2 раза меньше аппаратов, чем могли бы получить. Во-вторых, часто заказы идут аффилированным структурам, что отрицательно сказывается на инновационных фирмах, которые не могут получить заявку от государства, хотя другого заказчика у них нет и быть не может. В-третьих, повсеместно отмечено завышение стоимости работ по госзаказу. Есть отрасли (строительство, дорожное строительство), которые из-за высокого уровня отката уже зафиксировали высокий уровень цен и могут сравнивать себя с ближайшими северными странами. В-четвертых, отсутствует стратегическое контрактное планирование, которое вытекает из нестабильности госбюджета. В результате предприятия с длительным циклом производства, у которых заказчиком может выступать государство, этой возможностью не могут воспользоваться. Среди других особенностей госзаказа в России – огромное количество посреднических линий, высокие тарифы естественных монополий и т.д.

По мнению парламентария, стратегическое планирование практически отсутствует в сырьевых и естественных монополиях, строительном бизнесе, оборонной промышленности, НИОКР и опытных производствах. Причины различные. В монополиях все ба-

зируется на отношениях с органами власти, когда любая неэффективная стратегия может быть компенсирована вложениями из бюджета. Для строителей барьером служат монопольные источники ресурсов, от субъективных действий которых зависят все стратегии и эффективность производства. Чрезвычайно зыбкая почва и в сфере ОПК и опытных предприятиях.

Подводя итог проведенному анализу, О.Г. Дмитриева все же нашла очень узкое «ушко» в экономике, где возможны объективное независимое планирование бизнеса на основе научных критериев. Это производства, конечным потребителем которых является население или малое предпринимательство, а факторы производства и система сбыта не монополизированы. Пример тому – система сбыта через Интернет.

ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ МНОГОУРОВНЕВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Выводы О.Г. Дмитриевой о чрезвычайно узкой нише стратегического планирования не обескуражили участников симпозиума. Напротив, во многих выступлениях не только утверждалась мысль о возможности разработки долгосрочных планов и концепций по широкому кругу отраслей и территорий, но и приводились конкретные факты такой работы.

Пример подал проректор СПбГУЭФ д.э.н., профессор *А.Е. Карлик*, представивший доклад «Разработка концепции развития промышленного комплекса мегаполиса (по материалам Санкт-Петербурга)», подготовленный совместно с координатором Промышленного совета города д.э.н., профессором *С.Д. Бодруновым*. По словам докладчика, в последнее время много говорится о постиндустриальном развитии, о выводе промышленности из крупных городов. Немало стратегических целей пережил и Санкт-Петербург. В одном случае

он представлял культурной столицей, в другом – банковской, в третьем – туристической, поэтому другие направления развития города должны были оставаться на втором плане. Так, в долгосрочной концепции социально-экономического развития города до 2020 г., содержащей 60 страниц, промышленности было уделено примерно четыре абзаца, хотя на ее долю приходится 28% ВРП, 36% налоговых поступлений в бюджеты разных уровней, 17% занятых в экономике города. «Понятно, что если промышленность будет ликвидирована, то исчезнет и город», – констатировал ученый. Он убежден: промышленность поддерживает развитие мегаполиса. И это мировая практика. Например, доля Лос-Анджелеса в промышленности США составляет 4,1%, Нью-Йорка – 4%. В российской промышленности доля Санкт-Петербурга равна 4,6%, что соответствует мировому уровню. Более того, даже во время кризиса она осталась якорем, который поддержал экономику города и дал ему возможность развиваться дальше. О том, что промышленность остается наиболее активной частью экономики города, говорит ее подъем после кризиса: в 2010 г. рост составил 9%, в 2011 г. – 14%, тогда как по стране этот показатель едва достиг 4,7%. Из этого анализа докладчик сделал вывод: промышленность нужна, вопрос лишь в том, какой она должна быть в условиях вступления России в ВТО.

А.Е. Карлик полагает, что участие в мировом торговом клубе даст положительный эффект в сырьевых отраслях, энергетике и металлургии. А вот в машиностроении как основе экономической, технологической и энергетической безопасности страны падение производства может достигнуть 12%. Конкуренция обострится по большинству позиций в легкой и пищевой промышленности. Сокращение числа рабочих мест прогнозируется небольшое, примерно на 2%. Те же цифры можно ожидать и для промышленности Санкт-Петербурга. Совсем другие результаты могут быть в обрабатывающих отраслях, где падение объемов производства может достигнуть 40–50%, а занятости – до

40 тыс. человек. Если учесть, что сегодня на промышленных предприятиях города работают 350 тыс. человек, то такое сокращение уже будет значительным. «Поиск оптимальных решений этой проблемы побудил нас к работе над концепцией развития промышленного комплекса Санкт-Петербурга, инициаторами которой выступила администрация города, союз промышленников и предпринимателей, торгово-промышленная палата, отдельные предприятия», – сообщил профессор Карлик.

По его словам, структура концепции достаточно традиционная, лежит в русле общей идеологии развития российской экономики и заканчивается формированием целевых программ. На первом этапе работы над концепцией был создан основной терминологический аппарат, который воплотился в законе о промышленной политике Санкт-Петербурга, выделены наиболее конкурентоспособные производства негосударственного сектора экономики, поскольку этот сектор не регулируется регламентами ВТО, но очень развит в городе. Это оборонно-промышленный комплекс, производство и реализация военной техники, судостроение, где частные предприятия занимают примерно 70%. Основной вывод – необходимы меры по поддержке частного предпринимательства. Но у государства нет возможностей административного воздействия, дотаций. Поэтому основная функция государства – поддержка внутреннего спроса на промышленную продукцию со стороны государства, бизнеса и населения.

Сравнивая концепцию Санкт-Петербурга с федеральной стратегией – 2020, можно увидеть в ней ряд особенности, подчеркнул ученый. Этот город – очень крупный научный центр. Так, на основе разработок петербургских НИИ и конструкторских бюро создавалось 80% высокотехнологичной и оборонной продукции. Такой интеллектуальный потенциал позволит быстро модернизировать экономику на основе промышленности и саму промышленность. Разумеется, реализация такого крупномасштабного проекта не может быть пущена на волю волн. Поэтому

в концепции определен контур управления концепцией, включающий федеральные органы, губернатора, законодательное собрание и общественные организации. Дополнительно указаны функции федеральных органов управления, поскольку Санкт-Петербург играет в Северо-Западном федеральном округе образующую роль не только в промышленности, но и в других сферах общественной жизни.

В промышленной концепции разработаны комплексы мероприятий по развитию инновационной и научно-исследовательской деятельности, определен рынок трудовых ресурсов, названы законодательные акты, которые необходимы для ее реализации, указаны направления развития малых и средних предприятий, которые находятся в орбите крупных корпораций. Даны предложения по кадровому и финансовому обеспечению концепции, созданию рабочих мест, организации мониторинга и контроля на всех этапах реализации. Учтены возможные риски и методы их нейтрализации.

Итогом этой работы стали долгосрочные программы развития промышленности города, предусматривающие конкретные мероприятия, объем финансирования, сроки исполнения, которые намечено реализовать в ближайшие десятилетия, заключил А.Е. Карлик.

Другой вариант планирования на мезоуровне изложил президент холдинга ООО «Управляющая компания “Автоэлектроника”» А.В. Перчян, представивший доклад о состоянии и проблемах развития промышленных предприятий Калужской области, подготовленный вместе с д.э.н., профессором Калужского филиала МГТУ им. Н.Э. Баумана А.С. Птускиным. Калужская область последнее время позиционирует себя как пример новой модели развития несырьевого сектора экономики. Общее количество предприятий – около 770, причем большой удельный вес в объеме производства принадлежит крупным и средним фирмам. Доля промышленности в ВРП составляет примерно 35%, в этом секторе экономики занято 33% населения, а налоговый вклад – более 50%. Бурными темпами

растет промышленное производство: в 2006 г. его объем вырос на 107,8%; в 2007 г. – на 110,7; в 2008 г. – на 122,9; в 2010 г. – на 144,9%, причем ведущей отраслью является машиностроение. Безусловно, основной вклад в эту динамику внесли новые предприятия, созданные с участием иностранного капитала.

В дальнейшем, оговорившись, что задача симпозиума – не демонстрация успехов, а выявление узких мест и путей их «расширки», А.В. Перчян сообщил, что в конце 2011 г. в регионе был проведен массовый опрос собственников и руководителей предприятий, который показал, что в отрасли существует ряд сложных проблем. Среди них – дефицит квалифицированных кадров в 64,6%; непонятная тарифная политика, в результате которой нефть и газ в России стоят дороже, чем в США и странах Европы, безудержная экспансия иностранного капитала и компаний из других регионов. Выстроенный аналитиками рейтинг предприятий по объему отгруженных товаров свидетельствует, что первые четыре места занимают иностранные предприятия и тенденция такова, что через три года их доля в общем объеме производства региональной промышленности достигнет 70%. Понятно, что представители традиционных местных компаний, оказавшихся на обочине, встречают конкурентов в штывы.

Казалось бы, экономическая политика должна найти пути к содружеству местных и иностранных компаний, обмену опытом и технологиями. Но этого не происходит. Опрос руководителей показал, что партнерами иностранных компаний стали только 3% традиционных российских предприятий и 7% в работу вовлечены частично. Все остальные остаются вне этого процесса. Управляющая компания «Автоэлектроника» пока имеет приличную динамику роста: за три предкризисных года ее производство выросло в 3 раза, сегодня этот объем полностью восстановлен. Но коллектив не очень хорошо представляет, какие перспективы его ждут в ближайшем будущем, когда завершится сделка по приобретению иностранцами контроля над АвтоВАЗом и 75%

автомобилей в России будут произведены на предприятиях с иностранным капиталом. Хорошо это или плохо? Может быть, это и не важно – российское это предприятие или нет, потому что большое количество российских предприятий оформлено в офшорах. «Эти вопросы беспокоят представителей реальной экономики, мы не находим ответа на них и в документах Правительства Российской Федерации, которые нам доступны. Ответ на этот вопрос надеюсь получить на нашем симпозиуме», – подчеркнул А.В. Перчян.

Продолжив ряд образных сравнений предприятий с окружающей их средой, проректор Финансового университета при Правительстве РФ д.э.н., профессор *С.Н. Сильвестров* заметил, что корабль отечественного предприятия находится не просто в море российской экономики, а в океане глобального развития и в любой момент может натолкнуться на айсберг, который будет выброшен из глобальных вод. Дело в том, что глобальная экономика находится не просто в фазе кризиса, а в кризисогенном состоянии, которое констатируется целым рядом аналитических центров. Так, исследование ОЭСР по 21 стране за 50 лет зафиксировало более 400 с лишним экономических, финансовых, технологических, экологических, социальных кризисов, из которых 48 совпали парно, а в некоторых случаях одновременно были три кризиса. Такое состояние крайне рискованно. С 2006 г. в рамках Всемирного экономического форума в Давосе делаются попытки идентифицировать риски. Тогда их было насчитано 26, в 2010 г. – уже 36, в 2011 г. – около 50. Однако анализ кризиса не объясняет процессы, с которыми приходится сталкиваться при разработке долгосрочных перспектив. Совпадение кризисов свидетельствует об увеличении глубины и нестабильности динамики кризисов, нарастании их частоты. Это должно быть объектом серьезных исследований, анализа и даже математического моделирования.

К сожалению, основной инструмент в рыночной экономике – бюджет, которым располагает российское правительство для воз-

действия на развитие, крайне несовершенен, констатировал С.Н. Сильвестров. В значительной степени доходная его часть формируется за счет не налоговых, а таможенных платежей. Следовательно, государственные финансы зависят от временных факторов, на которые государство не в состоянии повлиять. Это очень важный момент, потому что накануне кризиса резко возростала доходная часть за счет отчислений от экспорта нефтегазовой продукции, металлургии и резко падали доходы от налогов, в частности налога на прибыль.

По оценке ученого, время для выхода на стабильное развитие у России еще есть, но его не так много, а глобальные риски нарастают, причем усиливается их взаимозависимость. Это вызов не только для страны, а для каждого экономического субъекта, начиная с территории и кончая бизнес-структурой и государственной корпорацией. Россия, как и Китай, находится в том состоянии, которое позволяет надеяться, что она еще может участвовать в системе глобального регулирования тех рисков, которые идентифицируются в последние годы. Но для этого должны быть введены в определенные рамки поляны, на которых осуществляется экономическая и финансовая деятельность предприятий. Пример – привлечение инвестиций под низкие проценты. Когда мы выходим на западные рынки, нам предлагают средства под достаточно высокий процент. А чтобы заимствовать под 4–6%, нужно соответствовать определенному международному стандарту. Таких стандартов, как минимум, около десятка. Они не введены полностью в действие, но учитываются при переговорах партнеров. Это реальный вызов для стратегического планирования, который ограничивает возможность для развития национальной экономики и отдельных предприятий.

Регулирование глобальных рисков зашло достаточно далеко, вплоть до отказа от установок Вашингтонского консенсуса о либеральной экономике. На смену ему идет неовашингтонский консенсус, принятый в 2008 г.,

суть которого сводится к созданию условий для глобального дирижизма, ухода от либерализма, который был выдвинут в середине XX столетия. Теперь факторы производства движутся достаточно свободно и не подвержены жесткому регулированию со стороны государств, суверенитет которых резко снижается. Это также серьезный вызов для всякого рода регулирования процессов внутри страны, и кто не вписывается в этот курс, оказывается вне глобального процесса. Это важно для России, которая в ближайшее время присоединится к ВТО. Переговоры об этом Россия вела с 1994 г., но за эти годы ничего не сделала для модернизации материальной базы и адаптации внутренней структуры экономики к глобальным вызовам. Остается небольшой период в 8–10 лет, когда будут снижаться достаточно высокие тарифы, которые были выторгованы нашими переговорщиками. За этот период следует выстроить мощную систему подготовки кадров и систему защиты экономики после снятия тарифных ограничений, которое произойдет в случае вступления во всемирный торговый клуб.

Дирижизм сказывается и в том случае, если снижается суверенитет государств. В роли регуляторов выступают глобальные игроки – транснациональные компании, банки и международные организации, которые вырабатывают определенные стандарты, стандартизованные процедуры и технологии принятия решений в различных сферах экономики. В частности, попытка подготовить проект глобального правового стандарта была сделана ОЭСР, ВТО, ВМФ, Всемирным банком и ФАТФ. Этот документ не обязателен, но при обсуждении на заседаниях «восьмерки» и «двадцатки» его учитывают. Для России это означает, что мы практически не в состоянии ни с кем конкурировать, потому что для соответствия стандарту нам необходимо в 4–5 раз повысить уровень минимальной оплаты труда, пенсии, среднюю заработную плату и т.д. Все эти вызовы касаются не только финансово-экономических проблем, но и конкретного материального производства, уточнил доклад-

чик. По его словам, несоответствие жестким стандартам, технологиям и процедурам, которые сейчас формируются на международном уровне для регулирования глобальных процессов и компенсации возможных рисков, создает для России очень большие сложности при разработке стратегических планов. «У России нет выбора путей развития. Для нас есть только один сценарий – модернизационный, мобилизационный», – подчеркнул профессор Сильвестров.

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР – ОСНОВА ЭКОНОМИКИ

Дискуссия о перспективах долгосрочного планирования экономики, начавшаяся на пленарном заседании симпозиума, вновь разгорелась за «круглым столом» Научного совета ООН РАН «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий». И это закономерно: ведь темой обсуждения была выбрана стратегия развития реального сектора экономики России. В этом разговоре тон задавали руководители промышленных компаний, ученые академических центров и профессора университетов, для которых понятие «реальная экономика» не простой звук, а смысл ежедневной работы и устремлений. «Как бы ни была важна интеллектуальная экономика, экономика знаний и все другие, все же реальный сектор составляет основу экономики России, и обсудить проблемы и возможности их решения – это благородная задача», – заметил председательствующий на заседании член-корреспондент РАН Г.Б. Клейнер.

Первым получил слово для выступления заместитель генерального директора Электротехнического концерна «Русэлпром» С.А. Масютин. Личность эта хорошо известна как в кругах менеджеров, так и среди ученых. Заслуженный экономист России, профессор, доктор наук и вместе с тем директор Сафоновского завода в Смоленской области,

ставшего одним из ведущих звеньев концерна федерального уровня, – таков послужной список «забойного» докладчика на симпозиуме в течение последних лет. Поэтому никто не удивился, когда свое сообщение он начал, оттолкнувшись от своих тезисов прошлого года. Концерн «Русэлпром» с годовым объемом 13 млрд р. как был, так и остался в списке 400 крупнейших компаний России, за нами сохранилось и звание инновационного лидера. Но за прошедший год расширился состав компании – в нее вошли один НИИ и конструкторский центр, и сейчас «Русэлпром» – это пять производственных предприятий и шесть научно-исследовательских и конструкторских центров в крупнейших городах страны», – сообщил С.А. Масютин.

Представив свой концерн, ученый обратился к теме своего доклада. На этот раз для анализа особенностей разработки стратегии компании он выбрал сельскохозяйственное машиностроение как отрасль, определяющую научно-технический прогресс в аграрном секторе экономики. К тому же на сайте Минпрома России имелась федеральная стратегия развития сельскохозяйственного машиностроения до 2020 г., обозначившая ориентир для разработки соответствующих концепций отдельных компаний.

«Задача стратегии, как она отражена в лозунгах Минпрома, была нам близка, и мы начали ею заниматься», – сказал С.А. Масютин. Однако, по его словам, дальнейший анализ вызвал шок. Оказалось, что по ряду позиций двух ведущих групп техники – тракторов и комбайнов Россия отстала от мировых лидеров на 50 лет. Так, мощность российских двигателей трактора составляет 420 л.с., в США – 670 л.с., количество моделей – 30, на европейском рынке – 681. По комбайнам то же самое: количество моделей – соответственно 23 и 247. Многие комплектующие для отечественной техники, в частности современные трансмиссии, мосты для мощных тракторов и комбайнов, вся гамма шин, в стране вообще не производятся. Другими словами, в области сельскохозяйственного машиностроения

Россия представляет открытый внутренний рынок и национальное производство, ориентированное на внутреннее потребление. Для примера: Китай и Белоруссия – глобальные экспортеры, имеющие закрытый внутренний рынок и экспортно-ориентированное национальное производство; Канада, Франция и Германия – глобальные игроки, сформировавшие открытый внутренний рынок и экспортно-ориентированное национальное производство.

Получив такое заключение, разработчики стратегии по аналогии с Китаем и Белоруссией предложили занять сегмент матрицы – глобальный экспортер. И первым шагом на этом пути стала стратегия энергосбережения. С этой целью был создан энергосберегающий двигатель, себестоимость 1 кВт·ч которого составляет всего 10 центов, а экономия при работе 100 тыс. двигателей достигнет 13 млн долл. в год. А в стране их эксплуатируется миллионы.

Другое направление стратегии – отказ от импортной техники в пользу отечественных изделий. Но для этого, в частности в комбайнах, необходимо было усовершенствовать конструкцию, оборудовать их электроприводами. Это дало существенные преимущества: повысился КПД машин, снизилась их масса. Комбайны стали дешевле, появилась возможность автоматизации и отказа от гидравлики как самого узкого места в технике. В результате такой модернизации производительность комбайна выросла в 1,2 раза, а экономия топлива за сезон на одной машине достигла 2 т. Окупаемость всего нового – один год.

Следующее направление – опережающая стратегия разработки техники, аналогов которой за рубежом нет. Один из примеров – выпуск гибридного, энергонасыщенного трактора с электрическим приводом. Первые образцы этих машин уже прошли испытания на тяжелых белорусских суглинистых землях и показали хорошие результаты: производительность на пахотных работах выросла на 15–20%, экономия топлива в транспортном режиме – 40%. Плюс к этому – на порядок уменьшаются выбросы вредных веществ.

«Если все 65 тыс. тракторов, которые намечено выпустить к 2020 г., будут экономить 40% топлива, то эта сфера производства сельскохозяйственной техники должна стать государственным приоритетом», – подвел итог С.А. Масютин.

К конкретным проблемам реальной экономики обратился и старший научный сотрудник ЦЭМИ РАН к.э.н, доцент А.А. Афанасьев, сосредоточив свой анализ на точности исполнения прогноза добычи природного газа из месторождений Тюменской области. В ходе этого исследования возник вопрос: можно ли найти такой срез во времени для обучающей выборки и построить на ее основе эконометрическую модель производственной функции, которая с высокой точностью прогнозировала бы добычу газа на максимальное число лет вперед? Проведенная автором работа показала, что, во-первых, возможно прогнозировать добычу газа из всех месторождений на основе малого числа наблюдений. Во-вторых, цели и модель стратегического развития всей газодобывающей промышленности Тюменской области (Газпрома и независимых производителей) на 1990–2000 гг. были заложены еще в 1986–1989 гг. в период плановой экономики; в-третьих, цели и модель стратегического развития, а также институциональный механизм отрасли оставались неизменными как при сменах руководства Газпрома в 1992 и 2001 гг., так и на фоне появления в 1999 г. независимых производителей и дальнейшего постоянного увеличения их доли в добыче природного газа на территории области. При этом ошибки прогнозов расположились в интервале 0,1–1,5%.

В свою очередь инженер-экономист, индивидуальный предприниматель из Санкт-Петербурга В.К. Копейкин высказал убеждение, что в России существующая система управления – тупиковый процесс. В противовес ей автор предложил, во-первых, создать управленческую вертикаль – сеть акционерных управленческих компаний (АУК). На федеральном уровне это будут центральные, отраслевые и подотраслевые АУК, в террито-

риях – территориальные компании. Предприятия, холдинги и банки преобразовываются в АУК, а их низовые подразделения – в малые предприятия, имеющие неразрывную связь с учредителями. Во-вторых, ввести понятие ответственности управленцев за результаты труда. Для менеджеров АУК должен быть установлен минимальный прирост чистых активов, а сумма невыполнения взятых ими обязательств по развитию компании компенсирована продажей акций или иными средствами членов совета директоров. Другими словами, АУК и малые предприятия обязаны иметь залоговых акционеров и управляющих, которых они определяют в залоговых торгах. Сумму невыполнения обязательств получают залоговый акционер и управляющий, большая часть этой суммы выдается акциями предприятия. Такая залоговая собственность дает возможность повысить ответственность менеджера за результаты управления. За государством остаются такие функции, как установление минимальной нормы прироста чистых активов центральной АУК, надзора за достоверностью отчетов и разработка совместно с АУК непрерывных стратегических планов.

Слово «регулирование» надо забыть. Вместо него использовать термин «воздействие». Академик Полтерович предлагает создать агентство по интерактивному планированию. Но такой путь, по мнению предпринимателя, нынешнюю систему управления не затрагивает. Тогда как механизм АУК может быть дееспособным только при реформировании экономической системы, убежден В.К. Копейкин.

Многие участники дискуссии за «круглым столом» неизбежно обращались к теоретическим и методологическим основам разработки стратегии реального сектора экономики. Эту тему затронули, в частности, д.э.н. В.А. Агафонов (ЦЭМИ РАН), сотрудник Института проблем рынка РАН к.э.н., доцент К.Н. Андрианов и др. Так, по убеждению В.А. Агафова в понятие кластера многие вкладывают мечту о том, что что-то наконец-то будет делаться системно. Поэтому в него впи-

сывают все, что является необходимым элементом нормально развивающейся системы: науку, инфраструктуру, образование, лидирующее, конкурентоспособное производство, производство комплектующих. Коснувшись удачной, по его мнению, идеологической платформы, которую развивает Г.Б. Клейнер, ученый обратил внимание, что при использовании таких понятий, как процессная, средовая, объектная и проектная система, каждый наблюдатель видит что-то свое. Особенно это заметно при анализе перспективных планов развития муниципального образования или стратегии субъекта Федерации. В одних документах доминирует описание объектов – субъект Федерации, муниципальное образование. В другом месте появляется новый срез – совокупность процессов, и идут такие показатели, как темпы роста. Потом возникают проекты и т.д. Создается впечатление, что один тот же документ готовят разные люди и каждый видит свое. Одна из причин такого разноречия – различные интересы субъектов целеполагания – администрации, бизнеса и населения, у которых есть свой взгляд на одно и то же явление.

Развивая эту идею, ученый остановился на таких темах, как проблемная ситуация, т.е. осознание невозможности достичь желательного состояния, и решающая система, которая позволит решать исходные проблемы. Проведенный им анализ показал, что правильно организованная кластерная система, имплантированная в экономическую жизнь, позволит играть роль центров экономического развития. Однако нет гарантии, что эта роль по силам каждой системе. Можно сказать, что каждый центр развития – это кластер, но не каждый кластер – центр развития. Поэтому надо проводить инвентаризацию кластеров, и делать это с участием государства, гражданского общества, бизнес-элит, внешних инвесторов. «Разумеется, это длинный процесс, но им надо заниматься. Этот путь я и называю кластерной стратегией», – заключил В.А. Агафонов.

Со своей стороны профессор РГПУ им. А.И. Герцена д.э.н. Н.Д. Стрекалова (Санкт-

Петербург) Н.Д. Стрекалова напомнила, что в 2012 г. на модернизацию российской экономики будет направлено 1 трлн р. Однако сомнения в их эффективности остаются, потому что ранее принятые аналогичные меры не дали особого результата. Только 9,4% компаний можно отнести к инновационным, 20% затрат на НИОКР осуществляется за счет корпоративного сектора, в то время как в европейских странах – порядка 65–70%. При этом лишь 9% российских компаний занимаются инновационными разработками.

По мнению ученого, многие менеджеры связывают инновации с развитием нового продукта, процессных инноваций, географической экспансией и выходом на новые рынки, технологическими инновациями. Но для новых растущих компаний гораздо больший интерес представляют стратегические инновации, поскольку они определяют способность переосмыслить существующую бизнес-модель способами, которые создают новую ценность для клиентов, стейкхолдеров и конкурентное преимущество. Они дают ответ по крайней мере на один из трех фундаментальных вопросов: какова потребность клиента, которую он хочет удовлетворить, покупая продукт или услугу; кто этот клиент и как потребность этого клиента может быть удовлетворена. В сравнении с процессной инновацией, которая в значительной части невидима для клиента, стратегическое новшество непосредственно затрагивают его интересы и добавляет новую материальную ценность. Стратегические инновации могут включать новые подходы к маркетингу или рекламе коммерческого предложения, новые методы продажи продукции, новые формы обслуживания клиентов или позиционирования торговой марки. Для иллюстрации Н.Д. Стрекалова привела пример Apple, которая выпустила новый персональный плеер и тем самым создала новый рынок, позволивший за три года заработать порядка 10 млрд долл. При этом рыночная стоимость компании за четыре года выросла с 1 млрд до 150 млрд долл.

Инновационные изменения в бизнес-моделях представляют собой феномен, за-

служивающий пристального внимания. Если внедрение других видов нововведений в большей мере связано с операционной деятельностью, то анализ и внесение изменений в бизнес-моделях – это процесс стратегический, связанный с принятием и реализацией стратегических решений. Стратегические инновации носят упреждающий характер, поскольку затрагивают развитие новых бизнес-моделей, изменение стратегий. Они могут сопровождаться поиском дефицитных ресурсов, формированием и развитием ключевых компетенций, формированием устойчивого конкурентного преимущества в будущем.

Для инновационного процесса определяющими могут выступать стратегические решения о выборе рынка или рыночного сегмента, разработке новых или усовершенствованных товаров и услуг, разработке и внедрении новых технологий, выборе партнеров по кооперации для проведения исследований и разработок, производства и сбыта, считает Н.Д. Стрекалова.

Доцент Курского филиала РГСУ к.ф.-м.н. А.А. Борзых сообщил, что в 2011 г. ученые в контакте с Союзом малых городов России консультировали ряд муниципалитетов центральной России, приступивших к разработке собственных долгосрочных планов развития. Этот опыт показал, что в стране существует экономика нескольких видов. Во-первых, предприятия советского сектора, которые продолжают работать, но в основном умирают; во-вторых, достаточно закрытые компании Росатома и фирмы, работающие с природным газом; в-третьих, фармацевтические компании, они прекрасно работают, имеют давно налаженные связи, в том числе международные. Четвертый тип предприятия – частный сектор, занимающийся строительством и переработкой древесины. Эти фирмы живут одним днем – сегодня есть работа и хорошо, а завтра видно будет.

Продолжая эту мысль, заместитель заведующего кафедрой ГУУ д.э.н., профессор А.А. Зарнадзе высказал предположение, что проблемы реальной экономики невозможно

решить в системе самой экономики, потому что предприятия не видят то, что очевидно на уровне целостной народной системы. На предприятии 10% – это топ-менеджеры и собственники, а все остальные – рядовые работники, которые имеют к руководителям малое касательство и нацелены на другие ориентиры. Поэтому на получение прибыли работают максимум 20% персонала.

При этом ученый обратил внимание на такой парадоксальный факт: до сих пор экономическая наука не разобралась в порочности показателя прибыли с точки зрения расширенного воспроизводства, инновационного развития промышленности. Поясняя свой тезис, он обратил внимание на то, что подавляющий прирост прибыли производится экстенсивным путем либо большой ценой на производимую продукцию. Предприятие не имеет существенных стимуляторов, чтобы развивать инновационную деятельность, поскольку на уровне народного хозяйства и предприятия работают разные критерии, которые невозможно состыковать. Но этот недостаток можно устранить путем развития потенциала государственно-частного партнерства, так называемых народных предприятий. Но общественность, не разобравшись в сути, отвернулась от них, не увидела, какие огромные возможности существуют в целостном рассмотрении собственности, с одной стороны, государства, с другой – частного предпринимательства. «Только целостное рассмотрение их взаимосвязей может дать значительный результат. Коллектив будет заинтересован, чтобы предприятие было инновационным. А единые цели создают дух коллективного творчества, формируют особый нравственный климат», – убежден профессор Зарнадзе.

«Не секрет, что за годы реформ промышленность России пришла к состоянию деградации и особенно негативную роль в этом сыграло отсутствие государственной промышленной политики», – подчеркнул представитель Института проблем рынка РАН к.э.н., доцент *К.Н. Андрианов*. К сожалению, констатировал он, со стороны государства отсутству-

ет должное внимание к этой проблематике. Так, в 2004 г. группа ученых и специалистов во главе с президентом ТПП РФ академиком Е.М. Примаковым разработала концепцию государственной промышленной политики, на презентацию которой были приглашены члены правительства. Но никто из министров не пришел, хотя накануне многие из них заявляли, что промышленность России не развивается из-за отсутствия своей концепции.

Совсем другое отношение к научным разработкам в развитых западных и новых развивающихся странах Азии. Анализ показывает, что одним из решающих факторов их успеха была и остается активная роль государства в формировании и реализации государственной промышленной политики. В частности, в Германии лидером регионального развития является Бавария, давшая пример образцового преобразования аграрного региона в промышленный. На эту землю приходится около 28% всех регистрируемых в ФРГ патентных заявок, а машиностроительный комплекс дает $\frac{2}{3}$ общего промышленного оборота. Национальная инновационная система этой страны имеет три основных звена: федеральное и земельные правительства и профильные министерства обоих уровней; организации, выполняющие посреднические функции, исследовательские структуры и обеспечивающие эффективное освоение ассигнуемых средств; непосредственно исследовательские организации.

Большой интерес представляет опыт США, где создана сеть научно-исследовательских институтов и сформирована национальная инновационная система, основу которой составляют Национальный научный фонд, Национальная академия наук, Институт стандартов и технологий.

В России в последние годы проблема воздействия государства на промышленное развитие стала чрезвычайно актуальна. Поэтому государственная промышленная политика должна стать важнейшим составным элементом общегосударственной экономической политики, нацеленной на создание мате-

риальной основы России как мировой державы, сделал вывод К.Н. Андрианов.

С интересными замечаниями и предложениями на круглом столе выступили заведующий лабораторией ЦЭМИ РАН д.э.н., профессор *Б.А.Ерзнкян*, профессор Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова д.э.н. *Г.Л. Игольников*, к.т.н., доцент *О.Б. Ложкин* и др. Так, к.э.н. *Г.Б. Медведев* (Институт экономики РАН) обратил внимание, что ключевыми словами названия круглого стола являются «стратегия» и «развитие». А вот термин «человек» не звучит, тогда как стратегия – это определенная форма выражения человеческой мысли, и задача менеджмента – обеспечение баланса интересов различных групп, которые заинтересованы в функционировании объекта. Например, заработная плата на американских заводах увязана с семейным положением работника и даже с успеваемостью в школе его детей. Из двух работников равной квалификации большую зарплату имеет тот, который имеет семью и детей, хотя эти факторы, казалось бы, не имеют никакого отношения к прибыли предприятия. Почему так происходит. Потому что стратегическое решение – поддерживать стабильность работников, а чтобы их дети приходили на смену родителям.

Далее ученый дал обзор управленческих решений в США во время Великой депрессии 20–30-х годов XX в. Парадокс этого кризиса в том, что любой продукции было в достатке. Но был кризис духа, кризис распределения. Перекинув мостик из истории к перспективам российского автопрома, Г.Б. Медведев заметил, что в отечественной практике управления не находят должного отражения два момента: адекватное современному состоянию экономики понимание роли государства в этом процессе и комплексное описание возможностей и средств влияния различных экономических субъектов на достижение запланированных результатов. По мнению ученого, суть современных модернизационных процессов заключается в достижении баланса экономического и социального развития, при-

чем на первое место выходит всестороннее развитие человека. Так что «успехи» той или иной отрасли следует рассматривать именно с этих позиций. Очевидно при этом, что люди неодинаковы, а значит, и их представления о надлежащем уровне и качестве жизни будут различны и могут даже противоречить друг другу. Поэтому основной целью отраслевого развития следует считать достижение баланса интересов всех экономических субъектов, удовлетворяющих свои потребности в результате функционирования предприятия, подчеркнул Г.Б. Медведев.

Развернутое обсуждение проблем, связанных со стратегическим планированием и развитием предприятия, состоялось на заседаниях пяти тематических секций симпозиума, которые были посвящены ведущим направлениям научного анализа. Среди них:

- теоретические проблемы стратегического планирования на микроэкономическом уровне;
- модели и методы разработки стратегии предприятия;
- опыт стратегического планирования на российских и зарубежных предприятиях;
- стратегическое планирование на мезоэкономическом (региональном и отраслевом) уровне;
- проблемы прогнозирования деятельности предприятий.

По единодушной оценке участников, доклады и сообщения ведущих ученых и практиков, развернувшаяся на всех заседаниях дискуссия и выработанные совместно рекомендации федеральным, региональным и местным органам власти и руководителям промышленных компаний дадут мощный импульс не только научным исследованиям, но и законодательному творчеству и конкретной работе предприятий реального сектора экономики России.